

УДК 39; 22; 711.424

М.Ф. Ершов

Образы провинции и внегородское пространство

Аннотация. В статье исследуется феномен провинции. Понятие «провинция» широко используется в научных публикациях. Востребованность этого понятия свидетельствует о наличии объективных социальных реалий. Провинция генетически связана с городом, но не сводима только к нему. В России компонентами провинциального мира были внестоличные города, дворянские усадьбы, крупные заводские селения и монастыри. Для провинции характерна так называемая «третья» культура, которая находится между столицей и деревней. Неоднозначность провинции порождена ее культурной маргинальностью. Для нее сохранялись ограниченные, посреднические функции, связанные с ускоренной модернизацией страны.

Ключевые слова: богатырь, город, жрец, маргинал, миф, пришелец, харизма.

M.F. Ershov

Province images and urban surrounding periphery

Summary. The article studies the phenomenon of province. The concept of province is widely used in the scientific publications. This active usage testifies the objective social realize existence. The province is genetically connected to the city, but does not include only the city. In Russia the components, compiling the provincial world, were non-capital cities, country estates, major factorial settlements and monasteries. There exists a certain «third» culture which is characteristic for the province and exists between the capital and the country. It kept limited intermediary functions, connected with the rapid country modernization.

Keywords: knight, city, priest, marginal, myth, newcomer, charisma.

Современные реалии настоятельно требуют интеллектуального осознания нерешенных проблем и на глобальном уровне, и на нижних «этажах» человеческого общежития. Культурное многообразие, окружающее нас, постоянно стимулирует исследовательский интерес к очеловеченному, неприродному пространству. Антропогенный ландшафт неоднороден, он состоит из разномасштабных компонентов. Их отличает потрясающее многообразие, этническая, конфессиональная, региональная и историческая специфика.

Однако признание существования конкретной локальной специфики лишь в незначительной степени дополняется анализом культурной и исторической динамики ее основных элементов. Историко-генетический подход к изучению всего пространственного комплекса антропогенных структур в гуманитарных дисциплинах пока еще не возобладал. Исследуют-

ся немногие избранные проблемы, лишь отчасти связанные с общекультурным контекстом. Долгое время человеческое субъективное восприятие было практически исключено из анализа объективных процессов. Одним из выходов из познавательного тупика является, по нашему мнению, обращение к образам, которые порождал тот или иной культурный объект. Полагаем, что при теоретическом осмыслении образов пространства в первую очередь необходимо учитывать специфику того пространства, в котором концентрируется культура.

Ведущими элементами такого пространства являются города. Они и их образы не обделены вниманием исследователей. В научном и околонуучном сообществе даже сложилась своеобразная мода на теоретизирование в данной сфере. Мы понимаем, хотя бы на уровне ассоциативных связей, что образы городов генетически близки и одновременно противо-

стоят таким определениям, как «столица», «деревня», «провинция», в предельном обобщении – «цивилизация». На сегодняшний день в гуманитарных науках существует и множество значений, связанных с образом провинции [1, 503-515]. В наших предшествующих публикациях рассматривались типичные образы, присущие городу. Это последовательно сменяющие друг друга богатыри, жрецы, палачи, актеры и блудницы [2, 46-52; 3, 146-154].

Мы считаем, что данные образы возникают благодаря маргинальному по отношению к природе сознанию новоиспеченных горожан. Их культурное пространство непрерывно изучается исследователями. Но город, чтобы быть городом, обязан выносить свои образы и свойства вовне, за пределы городских стен. Эти образы и свойства качественно неоднородны, и естественно, что такое «многоголосие» затрудняет выявление сути данных феноменов. Между тем, без их подлинного осознания невозможно плодотворное изучение многообразного очеловеченного мира. По нашему мнению, компоненты и образы городской культуры вне города в своей совокупности составляют то культурное пространство, имя которому – провинция.

Соответственно цель настоящей статьи заключается в культурологическом разрешении ряда «провинциальных» вопросов. Что мы подразумеваем под вышеназванными провинциальными компонентами, хотя бы в первом приближении? Какие образы и в результате чего они порождаются? Чем определяется их историческая и культурная динамика? И, наконец, что такое провинция? Для получения ответов необходим предварительный экскурс в эпоху генезиса очеловеченного пространства. Ведь в историческом развитии закономерно менялись как само это пространство, так и присущие ему образы. Отсюда – настоятельная потребность отследить их качественные изменения.

Несомненно, что возникновение вещной пространственной системы, созданной людьми (антропогенного ландшафта), связано с изменением способов человеческой жизнедеятельности. Сначала, благодаря земледелию, над временной охотничьей стоянкой окончательно одерживает победу жилище постоянного пребывания – полноценный дом. «Перво-

бытный человек, – замечает О. Шпенглер, – это блуждающее, животное существование, чье бодрствование на ощупь пробирается через жизнь, современный микрокосм, не имеющий постоянного места и родины, острыми и робкими чувствами, постоянно заботящийся о том, чтобы отвоевать что-нибудь у враждебной природы» [4, 111].

На сегодняшний день проблематика осмысления дома (и бездомья) связана и с осознанием бытия человека. Поэтому она «входит в содержание философской антропологии как отрасли философских знаний о происхождении, сущности и существовании, стратегиях его спасения» [5, 104]. Изменчивая телесность большого мира отображается в домашней жизни и жизни самого дома. Дом также обладает телесностью и душой, что неоднократно фиксировалось исследователями. Но будучи одушевленными, и он целиком, и его составляющие принципиально изменчивы. Дальнейшее тиражирование домов на локальной территории означает появление деревни. Деревня, как искусственное образование, оказывается одним из этапов расставания с естественной природной средой. Принадлежит к культуре, она противостоит лесу.

Возникающий при данной утрате психический дискомфорт преодолевается через сакрализацию и оживление культурных объектов. Еще один способ – вынос прежнего способа существования за пределы качественно новой системы. Строительство дома и отказ от бродячей жизни означают ее мысленное перевоплощение или миграцию вовне. Поэтому одновременно с появлением дома происходит и его «размножение» в пространстве, точнее – рост, а также связанной с ним и опосредующей его инфраструктуры. В итоге, осознанно или нет, но дом его обитателями оценивается и как множасьщееся живое существо, и как искусственный дубликат природных процессов. Близость к природе пока еще сохраняет пансоматическое восприятие мира с его вечным круговоротом.

Из-за культурных трансформаций отдельные части дома неодинаково приближены к естественному существованию или отчуждены от него. Разброс градаций здесь достаточно большой: от мертвых, до живых. Так, одушевленный, «естественный» огонь очага гаснет

при человеческом нерадении. Человек, с одной стороны, дает жизнь дому, с другой – вырывает его части из природы. Поэтому жизнь огня, очага, алтаря, иных культовых предметов максимально важна для дома. Они не просто сакральные образы и образцы природного мира. Они соединяют малый искусственно созданный, а потому тяготеющий к смерти, дом с большим живым миром, божественным упорядоченным космосом. И тем самым не дают ему, дому, умереть.

При увеличении масштабов пространства легко заметить, что нечто подобное происходит и с образами любых населенных пунктов и очеловеченного пространства в целом. Множество преданий повествуют о приостановке в них течения времени, человеческой жизни. Зачарованные дома, заколдованные деревни, сонные города и царства являются привычными атрибутами множества сказок. Вневременным отсутствием полноценного существования, мертвящей одурью эти социальные организмы расплавляются за разрыв с миром божественной гармонии. Их паралич есть насильственное, но неполноценное возвращение из негативной греховной культуры в лоно природы. Да, они вырваны из культурной среды, но и окончательно слиться природой также не способны.

Так как их место заключения – природа – вечна и постоянно перевоплощается, то смерть данных пространственных объектов относительна. Они, особенно каменные (ведь дерево не вечно, оно гниет), находятся в своеобразной летаргии, ждут своего часа. Ход времени вновь включается благодаря прибытию и подвигам удачливого героя. Уснувший локус оживает и воссоединяется с культурой. Характерно, что вернуть их к нормальной повседневности может лишь пришелец, богатырь, герой, некий культуртрегер, обладающий особой харизмой. Активность сказочного героя весьма условна. Исследователями отмечено, что полностью «дееспособен» он лишь при участии волшебного помощника, полноценного представителя большого живого естественного сакрального мира.

Итак, города почти мертвы для традиционной культуры, точнее им отказано в безусловном полноценном существовании. Города телесны, но их телесность обязана постоянно вытесняться иной реальностью. Разница по-

тенциалов ведет к трансформации, выплескиванию городской телесности в окружающее пространство. Конечно же, этот выброс не абсолютен: город и его значимые материальные элементы (алтарь, очаг, дом, стены) зачастую состоят из камня с добавлением металлической атрибутики. И камень, и металлы отличаются стабильностью свойств. Они недвижимы и лишь в малой степени включены в природный круговорот. Поэтому люди, окружая себя сделанными, омертвленными, а не естественными вещами, оказываются их пленниками.

Города, обладая телесностью, одновременно обладают и способностью моделировать идеальное божественное пространство, быть объемными иконами. Икона идеальна, она отображает неуничтожимый божественный мир; она канонична и неизменна. Телесность ее персонажей очень условна. Она, эта телесность, максимально плоскостная, формальная. Ее основная задача – оттенять главное, служить фоном для идеального мира. Нормальное тело, напротив, как физически, так и культурно, изменяемо. Эта двойственность порождает амбивалентное положение города. И она усиливается по мере роста социального организма. Отсюда проистекает быстрая смена качественных свойств городского поселения (и окружающего его культурного пространства). Один и тот же город способен быть последовательно и сакральным местом, и сосредоточением греха.

Возможное нравственное падение с идеальных высот ведет к регенерации осуждаемой телесности. Тогда город «переворачивается» – он меняет свои свойства на противоположные. Он снова становится полноценным грешным телом или антииконой. Как ранее в доме, так теперь и в городе пансоматизм природы также перерастает в городскую телесность. Прослеживается аналогия с костями, мышечной массой и органами. Соответственно образу города придаются свойства живого организма: размер, рост, характер, возраст. Но это еще в большей степени, чем в деревне, не биологическое, а социальное тело. Оно порождено амбивалентным положением города. Его отличает искусственная и одновременно материальная, вплоть до осязания, среда. Именно она доминирует в городском пространстве.

Социальное тело по аналогии идентифицируют с мужским или женским началом. Так,

очеловеченное пространство приобретает своеобразный коллективный «гендерный пол». Рождаются образы конкретных территорий, совокупностей людей и зданий, которые обладают половыми различиями. З. Фрейд в работе «Сновидения» замечает, что для спящих дома «с совершенно гладкими стенами изображают мужчин, а имеющие балконы и другие выдающиеся части, за которые можно ухватиться, – женщин. Родители появляются во сне в виде императора и императрицы, короля и королевы или других высокопоставленных лиц; в этом случае сновидение преисполнено чувства почтения» [6, 7].

Отвлекаясь от проблем психоанализа, заметим, что вышеперечисленные сюжеты из снов, конечно же, конкретно-исторические. Данные сюжеты характерны для представителей городской культуры. В описанном случае они фиксируют восприятие именно урбанизированного пространства. Это пространство живет. В нем происходят процессы роста, поглощения и выделения, присутствуют (и здесь Фрейд прав) сексуальные практики. У города есть телесное начало, но он, город, одухотворяется и как часть психокосмоса. Городское тело по отношению к психокосмосу аморфно, лишено суверенитета, оно растекается в пространстве. Городской анимизм, впрочем, достаточно условный, также отображает двойственность города.

Видимо, появление образов двойников или братьев при рождении и дальнейшей исторической эволюции поселений далеко не случайно. Они отображают закономерные процессы роста и расщепления новой культуры. Геракл и его брат, Ромул и Рем, Кий и его близкие, мифические братья Рюрика, Аскольд и Дир символизируют не только параллели с естественностью, искусственную сделанность города, но и его потенциальные возможности для территориального распространения власти. И напротив, слабый, не ставший столицей город вынужденно «меняет» пол. Со временем появляются территории-победители и побежденные территории, административные центры и периферийная глушь. В погоне за идеалом городу необходимо применение жестких дисциплинирующих практик для собственного коллективного тела. Иначе неизбежна деградация, расслабление, дряхление.

Необходимое уточнение. Аналогия с социальной телесностью, разумеется, условна. Социальное тело, зафиксированное в мифах и реконструируемое исследователями, это образ. И он не вполне тождествен отображаемому пространственным реалиям. Телесный образ городского (или не городского) пространства не является точным слепком с прошлого. Это всего лишь его метафорическое восприятие современниками или потомками. Оно также есть способ, не во всех случаях, впрочем, обязательный, осмысления пространства гуманитариями.

Так, например, допустимо утверждать, что вблизи городов, на прилегающих к ним территориях, происходит отпочкование побегов от отцовского (или материнского?) массива. По мнению О. Шпенглера, крестьянский дом – «величайший символ оседлости. Он сам по себе является растением, глубоко пустившим корни в свою «собственную» почву» [4, 112]. А можно сказать суше, рациональнее – что происходит экспансия городской культуры путем выселения активных мигрантов. Все зависит от контекста. Но, в отличие от распространенных телесных образов, использование растительной символики (и в древности, и в наши дни) ограничено. Причина проста: «ботаническое» восприятие обедняет отображаемую и изучаемую реальность. Заметим также, что в истории науки неоднократно акцентировалось внимание на ограниченности исключительно рационального подхода в гуманитарных исследованиях.

Город внутренне противоречив. И это отражается как на его образе, так и на способах осознания. Частичное снятие противоречия между естественной и искусственной природой происходит за счет дифференциации пространства. Между деревней и лесом встает естественное, живое, но уже окультуренное поле. К этому «искусственно сделанному», точнее возделываемому, полю со временем начинает вести еще одно человеческое образование – дорога. В принципе ранняя дорога одномерна. Первоначально ее культурная роль минимальна. Ведь дорога родственна миграциям травоядных в природе, охотничьей тропе, как зверя, так и человека.

Парадокс, но чтобы не умереть, не воплотиться в привычную дикую естествен-

ность, не зарости лесом, она обязана быть постоянно разбиваема, потребляема, используется людьми. Ее строят, по ней передвигаются, рядом с ней живут и тем самым оживляют ее сначала богатыри и иные мифические герои, а затем обычные люди, профессионально связанные с транспортом. По мере усложнения человеческой жизни усложняется и дорога. Из-за роста придорожной инфраструктуры она перестает быть одномерной. Ее пропускные способности и насыщенность культурой растут. Особенно наглядно этот рост в индустриальном обществе, где культурный потенциал дороги и близких к ней объектов может быть даже выше, чем у деревни.

Любые культурные заимствования как отношения донора и реципиента протекают в конкретном пространстве. В итоге дорога (не обязательно сухопутная), передвижение в пространстве и продвижение в иерархических структурах становятся символами человеческих изменений вообще. «Текущее» движение в противовес собственным свойствам создает условия для укоренения новаций в очеловеченном пространстве, их стабилизации и подлинного освоения. Анализируемые объекты, которые на языке юристов называются недвижимостью, в плане культуры, напротив, изменчивы, «подвижны». Таким образом, в ходе исторического развития постоянно осуществляются комбинации и рекомбинации элементов культурного пространства. Качественные изменения способов человеческой жизнедеятельности меняют их роли относительно друг друга.

Первоначально дом, деревня, дорога противостоят лесу и являются приложением к полю. Земля, особенно возделанная, доминирует абсолютно. Она родоначальница, мать; вспомним привычное: «Мать – сыра земля». В данном случае расположение поселений и дорог напрямую зависит от местонахождения пашни. Точно так же ранее охотник стремился максимально сблизиться с потенциальной добычей. Однако затем появляется регулярный избыточный продукт. Он ведет к появлению редистрибутивных отношений, имущественной и социальной дифференциации, вооруженным столкновениям.

Возникает необходимость строительства укреплений (городков, замков). Их конкурент-

ная борьба усиливает дальнейшую диверсификацию пространства. На этой основе возникают города. Город, чтобы остаться городом, вынужден жить в системе обменных отношений. Он постоянно что-то заимствует извне, из окружающего пространства, и одновременно выносит свои сущностные свойства за пределы жилой застройки, за собственно городскую территорию. Соответственно анализ взаимных переходов городских и внегородских качеств есть, в предельном основании, мыслимое достижение их диалектического единства. Вопрос заключается в том, как осуществляется их историческая эволюция.

Нет сомнения, что в традиционной культуре город воспринимается одновременно и как божественное творение, и как культурное пространство, противостоящее некультурной природной стихии. В городе, по мнению С.Д. Домникова, «Сам человек рассматривается как стоящий вне Природы, царящий над ней благодаря исключительным способностям своего разума, как творящий рядом с миром Природы – и вопреки ей – свой мир второй очеловеченной природы. Понятно, что этим миром «второй» природы для человека становится пространство города. Само это пространство выстраивается как антитеза дикому пространству Природы. Природной естественности жизнерождения в городе противостоит искусственная сделанность. Тайне происхождения противопоставлен точный исторический факт, зафиксированный в хронике или летописи» [7, 48].

Это противостояние не есть первичное и всеобъемлющее. На начальных ступенях своего существования поселение, недавно обособившееся от патриархальной сельской среды, еще не является полноценным обладателем внутренних потенций для претензий на лидерство над окружающими местностями. Наоборот, господство дикой «неокультуренной» природы простирается и на собственно населенную территорию. Постоянная внешняя экспансия означает господство «земли» над рукотворными ландшафтами. Последние вместе со своими создателями вынуждены подчиняться естественной среде. Данное подчинение препятствует развитию новых качеств. Населенный пункт пока еще пребывает в качестве потенциального города или протогорода.

Несовершенство протогорода провоцирует его обитателей на разрыв с устаревшим статусом. Город отчуждается от природного окружения, непосредственно противостоит ему, создает защитную стену, огораживается. Данная граница проходит не только в реальном географическом пространстве, но и в головах его жителей, в порожденных городской культурой мифах. Именно в этот период город и становится подлинным городом. Обретая сущностные свойства, он вырывается из циклического круговорота архаического времени и начинает линейное развитие, отображенное в собственной письменно зафиксированной истории.

Заметим, что письменность и знаки собственности оказываются обязательными атрибутами именно городской жизни. История, соответственно, выступает как один из способов самосознания города. Она, будучи порождением городского социума, несет в себе множество субъективных моментов и, конечно же, отличается причудливым переплетением реальной конкретики и мифических сюжетов [8, 4-25]. Фиксация этих сюжетов через символику образов в конечном итоге и создает не только рукотворную природу, но и собственно культурное пространство. Данные образы возникают благодаря маргинальному по отношению к природе сознанию новоиспеченных горожан.

На смену природным перевоплощениям теперь приходят перевоплощения социальные. Социальная составляющая, в свою очередь, задает нравственные качества и различия в системе управления (лидеры – ведомые). Поэтому на локальной территории с высокой плотностью населения – в городе – востребованы социальные нормы, иные, более требовательные к индивиду, чем в природном сельском пространстве. Их применение не всегда результативно, ведь они тяготеют к идеалу, а идеал недостижим в принципе.

Наиболее ярким воплощением новых городских качеств является античный полис. Символична его тяга к скульптуре (подмена живого тела имитацией из камня) или к классической архитектуре (подмена каменными колоннами живых деревьев). Естественные межличностные отношения здесь заменены искусно созданным политическим механизмом. Политический суверенитет, возникнув на

земле, в идеале меняет и образ небесного мира. В религиозной сфере политика постепенно преобразуется в договорные отношения с богами-покровителями. Господство формального начала еще более выхолащивает прежние естественные связи. Нарастает скепсис и критическое отношение к миру. Итог – появление «рожденной на асфальте» философии, оперирующей внеобыденными понятиями и рационально систематизирующей мир культуры. Упорядоченное бурление человеческой массы позволяет вновь говорить о наличии социального тела.

Не случайно, Б.В. Марков в книге «Храм и рынок. Человек в пространстве культуры» акцентирует внимание именно на культурной обусловленности человеческой телесности [9]. В его работе Афины предстают как государственное тело. «Вовсе не только по причине особых эстетических вкусов древних греков от их культуры осталось так много изображений прекрасных, обнаженных, преимущественно мужских тел, – замечает исследователь. – Нагота была и остается государственным символом. Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что выполненные из мрамора обнаженные фигуры юношей представляли собой памятники, и чаще всего погибших воинов, чтобы понять, что нагота представляет собой государственный идеал здорового, сильного тела воина, а также символ человеческой доверчивости и открытости для власти, которая нуждается в невинном белом теле, как в чистой бумаге, на которую она наносит свои знаки» [2, 25-26].

Добавим также, что личность и власть в скромном по размеру античном полисе не были отчуждены одна от другой. Пространственная близость – в пределах пешей ходьбы – обеспечивала также единство полиса и его округа – хоры. В полисе, как и в других небольших древних городах-государствах, пока еще отсутствовала окончательная расщепленность социального тела. Но при дальнейшем развитии государственности неизбежны были процессы диверсификации образов пространства. Образы становились узнаваемыми и обретали индивидуальность, вплоть до гендерной коллективной принадлежности. При этом город, проникая в деревню, не деградировал до ее уровня. Напротив, он еще более обосо-

блялся от нее за счет создания своеобразных защитных барьеров.

Итак, генезис городов, отчуждение от деревенского мира и, в дальнейшем, появление государства (цивилизации, империи, провинции) объективно вели к социальной гетерогенности очеловеченного пространства. Реальное выделение внегородских территорий дополняется их идеальным разделением. Осуществлялся вынос уже обособленного социального тела за пределы сакральных городских стен. Экономическое и политическое формирование внегородских территорий дополняется их идеальным разделением с собственно городским ядром. Увеличивающаяся в объемах реди-стрибуция со временем перерастает простую схему: «город – дорога – деревня». Дальнейшее развитие пространства формирует новые структуры и культурно-региональные различия. Однако сочетание их элементов теперь определяется уже иной логикой.

Происходит рокировка экономических и культурных ценностей. Общественно значимым оказывается даже не производство как таковое, оно по-прежнему в основном деревенское, а мирное или насильственное перераспределение ресурсов, диктуемое городом. Это перераспределение не умозрительно; оно непосредственно связано с пространством. Материальные ценности необходимо изъять там, где они произведены, перераспределить и доставить к теперь уже отдаленным местам потребления. На осваиваемых территориях данная транспортная операция не может не вызвать множества затруднений.

Раскрытие внегородского пространства в процессе колонизации осуществляется поэтапно. Его образ меняется. Далеко не сразу пространство выступает полноценным и осознанным объектом. В глазах первопроходцев оно – дикое, малоизвестное и подлежит освоению. Оно не вполне изучено, а поэтому – одномерно. Разворачивания в объеме и раскрытия территориальной структуры здесь еще не произошло. Пока пространство отождествляется с дорогой, не более того. По ней перемещаются герои, богатыри, сплоченные воинские когорты. Это пространство сначала требуется открыть, а затем и завоевать. Юридическое оформление захваченной территории превращает ее в провинцию.

Культурные последствия господства насилия остаются в социальной памяти местного населения. Эхо насилия, как фантомная боль, негативно воздействует на провинциальную культуру и является ее отличительной чертой. Вплоть до сегодняшнего дня провинция отличается излишней агрессивностью и закрытостью. «Провинциализм – это мир, в котором все, что не касается человека лично и практически, кажется ему ненужным и даже враждебным. К чужакам относятся как язычники, пришелец – непременно вампир или упырь. Провинциализм – это проекция на безраздельную монополию власти, знания, творчества в своей округе. Полное отсутствие установки на диалог: в упор не видеть человека, сделанную работу, не распознавать уникальность, не восхищаться неповторимостью», – меланхолично замечает Е. Бурлина [10, 51].

Рождение провинции, таким образом, связано с волевыми усилиями, с насилием вообще, с действиями харизматичных лидеров. Провинция, обретая сущностные свойства богатырей, представлена множеством их образов. Это варвары, противостоящие империям и их столицам. Это – древнерусские богатыри, недовольные киевским князем. Это ушкуйники, казаки, пираты, флибустьеры, корсары. Это бродяги, участники фронта, золотоискатели; те, кто несет бремя белого человека. Это, наконец, геологи-первопроходцы, первооткрыватели нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири.

При всей несхожести этих пассионариев, их разбросанности в культуре, времени и пространстве, данные персонажи имеют ряд общих свойств. Деятельность первопроходцев отличается повышенной энергетикой, вплоть до неспровоцированной агрессии. Для них характерны маргинальные свойства и отсутствие адаптации к нормальному бюргерскому существованию. Присутствует также ярко выраженное демократическое и демонстративное недовольство управленческими структурами при прямой или опосредованной зависимости от них. И, наконец, у них есть еще одна отличительная черта – это бегство от упорядоченной, в том числе и городской, жизни.

Жак Ле Гофф в книге «Цивилизация Средневекового Запада» предельно емко оценивает космополитизм и степень авантюризма по-

добных персонажей: «Норманнские сеньоры, переправившиеся в Англию; немецкие рыцари, водворившиеся на Востоке, феодалы Ильде-Франса, завоевавшие феод в Лангедоке под предлогом крестового похода против альбигойцев или в Испании в ходе Реконквисты, крестоносцы всех мастей, которые выкраивали себе поместье в Море или в Святой земле, – все они легко покидали родину, потому что вряд ли она у них была» [11, 43].

Их идеальный способ существования – пребывание в пути. Воля как избавление от социальных ограничений, дорога, дао, бусидо, вик, распутье, расстань, встреча, засада – все это признаки и приметы преимущественно «бродячей» культуры. Дорога ведет к нестабильности, опасности, временности, романтике, мифам. Контакты с традиционным, тяготеющим к замкнутости миром, при одновременном отказе от его норм, оказываются необходимым признаком человека дороги. Яркими примерами таких людей являются силачи из русского фольклора. Необыкновенные разбойники, купцы, ямщики, сплавщики, горняки в культурном и в профессиональном плане находятся вне традиционного деревенского мира, но воспеты именно им.

Гипертрофированные мифическим сознанием физические возможности героев-одиночек говорят о фактическом отсутствии подлинной социальной телесности на осваиваемых территориях. По сути, нарочитые маскулинность и сила богатырей есть отражение незавершенной трансформации естественных «женских» телесных слабостей пространства. По мере его освоения и окультуривания исчезает потребность в особом напряжении, исчезают и богатырские образы. Брутальные богатыри компенсируют недостаток стабильности и комфорта. За героическими свершениями одиночек скрываются отсутствие или слабость коллектива.

Точно так же далекие культурные преемники былинных первопроходцев – современные бомжи – отчуждены от устойчивых социальных связей. Их эпатажное поведение свидетельствует о нестабильности, об общественном неблагополучии. Их демонстративное пренебрежение собственным телом есть отображение язв социального тела. Впрочем, как и их предшественники, они не чужаются

примитивных сексуальных радостей. Асоциальное необязательное поведение бродяг есть не только регенерация биологических начал. Это еще и личностный уход от жестких, но недостаточно действенных культурных практик. Их замена маргинальными облегченными аналогами свидетельствует о наличии своеобразных лакун на теле современной культуры.

Присутствие атомарного дискретного человека не может продолжаться бесконечно долго. Существование маргиналов всегда временно. Рано или поздно их побеждают экономика и естественная для живых существ тяга к стабильности (в культурном варианте – к комфорту). Известный отечественный исследователь Древнего Востока И.М. Дьяконов обратил внимание на экономический смысл возникновения и существования обширных древних империй. Обществу конца эпохи бронзы «нужно было обеспечить расширенное воспроизводство (без него никакое развитие производительных сил невозможно) и тем самым достичь определенного стабильного соотношения областей, производивших в избытке продукты потребления, и областей, производивших средства производства» [12, 49].

Концепция И.М. Дьяконова фиксирует сочетание разных вариантов обмена и перераспределения ресурсов между регионами. Как через войну, так и через торговлю. В том и в другом случаях происходит развертывание в пространстве различных вариантов человеческой активности. Еще не вполне ясно, как эти разномасштабные объекты оценивались своими творцами. Связано это как с многогранностью человеческой жизни, так и с множеством образов, ею порожденных. Ясно лишь, что в результате созидательной деятельности само очеловеченное пространство становится по своим масштабам несопоставимым с человеком. Оно приобретает самостоятельное значение. Поэтому его культурные компоненты находятся не столько «перед», сколько «над» местными наблюдателями.

Данное пространство плохо «стыкуется» с менталитетом местного социума. Психологически люди разделяют себя и территорию собственного проживания. Транспортные и посреднические функции в разделении труда конкретного регионального пространства нуждаются в организованности и системно-

сти. Они противостоят анархичной воле и эгоистичному местечковому уюту проживающего здесь населения. Экономическое развитие, усложнение социальных связей и культурная полифония требуют от провинции заимствования новых дисциплинирующих практик. По мере освоения конкретного пространства отчуждение людей и вещной среды от природы оказывается допустимо только при жестко заданных определенных условиях.

Рост прагматизма и дисциплины провинциалов перевоплощается в их взаимное недоверие, в некую расщепленность культуры. В этой культуре религиозность вынуждена соседствовать с выгодой. Не случайно, что храм в античном городе вполне уживается с агорой. А в средневековом городе к разноголосице рынка добавляется площадь для казни преступников. В итоге с усилением государственной власти провинция перевоплощается в палача. Ее начинают олицетворять тюрьмы, остроги, крепости, налоговые службы, вымогатели чиновники. Они регулируют естественную жизнь, тем самым омертвляя ее. Они – сублимированная некогда положительная энергия в ее негативных для населения проявлениях. Они – закон, пришедший из столицы и города на смену справедливости. Они – разрушение психологической близости в локальном социуме. Они – формализованная публичная власть, которая ведет к реализации разных вариантов развития.

Итак, на новом витке эволюции провинции происходит юридическое оформление насилия. В принципе насилие из этого мира никуда окончательно и не исчезало. Локальная культура, при дефиците внутренних потенциалов, не любит слишком быстро отказываться от собственного наследия. Она предпочитает менять не столько свою суть, сколько одежды. Ранее насилие скрывалось под сакральными облачениями богатырей. Теперь, взамен анархии непостоянных богатырей и жертвенности анахоретов, появляется мундир чиновника и принуждение государственных институтов.

Узаконенные профессионалы в провинции вытесняют бесшабашных маргиналов-насильников. Однако палач, сборщик налогов и судебный пристав не могут утвердить столичный закон в полном объеме. Напротив, они сами, а также местные «верхи» активно

используют закон для далеко не всегда благовидных целей. Их усилиями ограниченное провинциальное тело сопротивляется навязыванию ему идеальных «безразмерных» столичных параметров и, по мере сил, адаптирует их под свои нужды. Такое положение, конечно же, возможно только при чуждости вышестоящих властей для провинциальной почвы.

Играют свою роль и слабость горизонтальных связей, их незавершенность, детскость. Для провинции вообще характерен постоянный инфантилизм, некий затянувшийся культурный пубертат, не вполне взрослая социальная телесность. Провинция подобна подростку, который уже вырос в объемах, но еще не привык к новой телесной оболочке. Отсюда – разболтанность, развинченность, отсутствие нормальной координации движений. Детскость провинциального тела провоцирует культурную недееспособность и неспособность выбрать верные ориентиры.

Неизжитые юношеские начала нередко ведут к господству ситуативности. Это быстрые, почти мгновенные переходы от святости к агрессии. Ярким примером подобного рода является почти абсолютное совмещение во времени Вербного воскресения и Пасхи, отображенное в Новом Завете. Потребовалось менее недели, чтобы иерусалимская толпа, чествовавшая Христа, устремилась к Голгофе в качестве добровольных пособников палачей. По нашему мнению, данный евангельский сюжет фиксирует определенные закономерности в жизни провинциальной культуры.

Дело в том, что существование палаческих свойств опасно всегда. Ведь узаконенное насилие тотально противостоит воле. Полное отсутствие свободы и переизбыток конфликтной энергии усиливают внутреннее давление. Высока вероятность спонтанного всплеска социального недовольства. Это недовольство в любой момент рискует обратиться против собственного носителя. В предельном обобщении оно означает растущую угрозу самопалачества – потенциального самоубийства. Более того, несовершенный и зависимый провинциальный мир в стремлении к идеалу способен уничтожить не только себя самого, но иные пространства.

Разумеется, провинция ищет способы избежать собственной гибели. Отсюда – посто-

янное стремление избавиться от негатива. Поэтому провинция агрессивно нацеливает свои институты на маргиналов, на внешнее действие, на экспансию, на перенос всего, что ее не устраивает, вовне. Тем самым она автоматически выносит приговор всему чуждому ей, не провинциальному. Это ведет к отторжению чуждых ей элементов. И – к дополнительному разворачиванию в периферийном осваиваемом пространстве культурных новаций. Провинция отчасти заимствует их из вышестоящих управленческих центров (столиц) и одновременно отчуждает от себя. Она пытается быть посредником, перенося на собственно деревенскую территорию столичные законы, нормы, моду, другие нововведения.

Большой естественный космический мир в глазах провинциалов окончательно идентифицируется со столицами. Именно туда переселяются прежние племенные боги, образуя единый государственный пантеон. Столица, обладая особой благодатью, оставляет провинции функции передаточной инстанции. Их наличие у провинции означает еще большее отчуждение осваиваемого пространства от природных процессов. Культурно провинциал тяготеет к столице. Она для него – совершенство. Божественный мир природы для такого человека присутствует, но смещен на периферию внимания. Для него идеальное, но сотворенное человеком, подменяет естественное, божеское начало.

Видимо, не случайно, что в монотеистических («столичных») религиях бог стоит над природой. В сознании же языческого или полужазыческого деревенского жителя космический мир не дифференцирован. Для него вообще нет особой разницы между столицей и масштабным божественным миром. Простому селянину они равно недостижимы, непостижимы и загадочны. Для жителя деревни очевидно иное. Вне природы и вне обыденности находится еще ряд персонажей. Это управленцы, военные, местные юрдивые, святые, монахи, священники. Данные представители провинциального мира близки крестьянину территориально, но отчуждены от него наличием личных, не всегда положительных, са크ральных свойств.

Связь с природой для провинциалов относительна. Каковы нормы, которыми они руко-

водствуются в жизни? Это тяготение к идеалам, в том числе – и к образам далеких столиц (вне всякого сомнения, искаженным). И одновременно отталкивание от патриархальной сельской обыденности. Отсутствие постоянного культурного или территориального соприкосновения со столицами в провинциальном мире воспринимается крайне болезненно. Настоящая жизнь может быть только в столице. Здесь – в провинции – наличествуют лишь отдельные части столичного тела.

Если нет связи со столицей, новостей от нее, то и провинции нечего сказать. Она становится немой, здесь господствует умолчание. Возникает также эффект потери слуха (ср.: «провинциальная глушь», «глухая провинция»). Провинциальные окраины без контакта с внешним миром все больше воспринимаются как своеобразные ампутированные органы. Без связи со столичным миром провинциальная жизнь деградирует, «смердит», происходит ее неизбежная дезурбанизация и возвращение в естественную среду. На таких территориях наблюдается отмирание посреднических функций, а их провинциальный статус оказывается ущербным и даже незаконным.

Таким образом, провинция зависит от столицы и ей поклоняется. Не случайно, что местное духовенство ориентируется именно на столицу. И столице же оно, по преимуществу, подчинено. Его задача – выполнять на местах роль своеобразного ревизора. Чтобы избежать омертвления местного социума, необходимо вдохнуть заимствованную извне душу в стихийно разросшееся дикое провинциальное тело. Этой цели – одухотворению стихийной жизни – служат мистерии, пышные ритуалы, шествия. Они являются своеобразным культурным эрзацем, двойным слепком со столичных и природных свойств. Они также компенсируют через подражание столичным образцам утраченное полноценное единство с подлинным гармоничным миром.

Провинция теперь предстает перед взором внешнего наблюдателя не только в виде особенных людей, но и соответствующей им пространственной инфраструктуры. Вне города к ней относятся монастыри, церкви и иные святые места; те территории, кои получили некую благодать извне (обычно из столиц или свыше от Бога). Все они – искусственное неприрод-

ное пространство, которое заимствует, сохраняет, трансформирует новые ценности. Здесь иной, чем в деревне, культурный потенциал. Как ранее отдельным «продвинутым» городам, достигшим столичного статуса, так и запоздавшей во времени провинции, уготованы схожие судьбы. В обоих случаях на определенном этапе исторического развития их ожидает жреческая участь.

Провинция как коллективный жрец, посредник, всегда неоднозначна. Ее медиативные функции воздействуют на нее как положительно, так и отрицательно. Она – столичный агент, культуртрегер, но без детально очерченных прав. И ей достаточно тяжело отвечать за мировую гармонию в локальном пространстве при отсутствии действенных рычагов воздействия. В сфере культуры провинциальное пространство вынужденно противостоит как культурному овеществленному миру идеальной столицы, так и миру деревни, близкому к естественной природе. Живущие здесь люди прямо или опосредованно участвуют в реди-стрибутивных отношениях. Но только лишь после столицы, с ее санкции, как нелюбимые пасынки, исключительно на вторых ролях.

Их, вплоть до лидеров, отличают некая ущербность и маргинальные качества. Идеальный провинциал в городе и, особенно, вне города – настроенный на поиски совершенства культурный анахорет, равно отчужденный от местных жителей и природы. Это оборачивается критическим настроем и к себе, и к внешнему окружению. Поэтому при снижении на провинциальный уровень вслед за монументальными фигурами монарха, героя, конкистадора, администратора, святого и священника начинают являться пылкие, но зачастую непрофессиональные интеллигенты, всевозможные изобретатели, чудаки, аскеты и юродивые.

Иронично воспринимаемые на своей малой родине, они пытаются донести (нередко буквально) до официальной культуры образы конкретной провинции, ее чаяния и нужды. Происходит своеобразная инверсия. Провинциальные маргиналы стремятся уйти в свою землю обетованную – в столицу. Они имеют шансы трансформировать горизонтальную мобильность в вертикальную. И действительно, пришельцы способны достичь столичного горизонта и утвердиться там, «наверху». При-

чина такого поведения была объяснена ранее. В провинциальной зоне население по-прежнему причастно к управленческим решениям и столичным нормам, но не имеет возможности для их полноценной реализации.

Напротив, выход государства на новые рубежи качественно усиливает мощь и сакрализацию именно столицы. Соответственно, устаревшим образам, нормам и образцам в ней уже не находится места. Они приобретают отрицательные смыслы и символически перетекают в провинцию. Данное обстоятельство в исторической перспективе ведет к окончательному отчуждению сакральных покровителей от локального социума. Провинция по отношению к ним становится все более пассивной, она утрачивает средства воздействия на «своих» богов или святых. Повсеместно происходит их обобществление в державных интересах. Теперь централизованно удовлетворяются культовые потребности всех людей, вне зависимости от их происхождения. Прекращение прежнего культурного разделения людей означает грядущий закат политеизма и преобладание монотеизма.

Со времен средневековья цивилизационная и религиозная принадлежность стали практически синонимичными. Бог, в глазах людей, перерос свои прежние человеческие свойства и стал Пантократором. В идеальной мировой столице или столице, приближенной к идеалу, он перевоплощается в фигуру императора (в идеальном буддийском варианте – Чакравартина). Естественно, что без наличия данного сакрального индивида объединительные процессы будут малоуспешны. Бог на небе совместно с монархом на престоле задают начало реализации потенциальных возможностей власти. Это направленное движение культурного вектора, который протянулся от неба и столицы до провинциального города, провинциальной инфраструктуры и далее – до деревни.

Упорядоченные государством иерархические отношения трансформируют прежнее восхищение культурным героем, его метаниями, ошибками и успехами. Оно сменяется истовым религиозным преклонением непогрешимому и во многом обезличенному Богу. Данное преклонение повсеместно становится абсолютной ценностью. На территории города отображается через создание монументальных

храмов. Подчинение единой столице (а в потенции и единому Богу) постепенно разламывает не только провинциальную культурную обособленность, но и сакральную зависимость от местного жреческого контингента.

Об этом свидетельствуют зафиксированные в Библии требования древних евреев. Основная масса населения настаивала (вопреки ветхозаветным пророкам!) на призвании царя. Часть обоснований связана с требованиями законности, с провинциальными комплексами, с ощущением собственной периферийной отсталости. Народные массы обратились к Самуилу: «поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов» (1 Цар. 8, 5). В сходных условиях происходило возникновение гражданского права в Древнем Риме. И здесь на смену сакральным установлениям пришли нормы закона. В культуре этого государства были максимально полно воплощены договорные идеи.

«У римлян были очень своеобразные представления об отношениях между человеком и божеством. Если кому-нибудь казалось, что один из богов разгневался на него, он смиренно просил у него мира, и можно думать, что между ними тогда заключался своего рода договор или сделка, одинаково обязательная для обеих сторон», – замечает французский историк Поль Диро. И далее: «Иногда возникает спор насчет подробностей договора, и тогда обе стороны, как ловкие сутяги, стараются поддеть друг друга. Раз договор заключен, справедливость требует, чтобы его условия соблюдались свято и нерушимо: нужно отдать богам то, что было им обещано, это – священный долг; но не следует ничего преувеличивать» [13, 293].

Договор же всегда обладает формальными признаками, маскирующими подспудное недоверие между сторонами. Господство формального начала означает отмирание естественного доверия и естественной чувственности. Данное отчуждение, умирание перевоплощаются в свою противоположность – в рождение дополнительной отрицательной энергии. Обычно она направлена в союзе со столицей против подопечных ей деревенских территорий. Но есть и иной, более редкий, экзотичный вариант. Это бунт периферии против центра с последующим, обычно бесперспективным, наступлением на столицу. В данном случае

провинция объединяется с патриархальной деревней.

Соответственно конфликт провинции и столицы переплетается с борьбой традиционных ценностей и ценностей модернизации. В психологическом плане консервативная провинция оказывается страдающей стороной, вынужденной расплачиваться за грехи столицы, которая олицетворяет собой бездушный государственный механизм. При успехе экспансионистских или модернизационных процессов ее жертвенность воспринимается как необходимая и даже оптимальная. Иное положение складывается в ситуации национального поражения. В это время объемы провинциальной жертвенности резко возрастают для минимизации потерь, допущенных «верхами». Поэтому «залповый» сброс негатива, с иерархических «высот» на подчиненные им «низы», быстро стимулирует рост их оппозиционного самосознания.

В условиях же особо острого системного кризиса, граничащего с катастрофой, в общественном сознании происходит рокировка провинциальных и столичных свойств. Провинциальные структуры открыто выступают против столицы, дискредитировавшей себя. Они перехватывают ее сакральные начала и возвращают ей ранее полученный негатив. Сложные компенсаторные (или разрушительные) механизмы меняются местами. На некоторое время столица сама оказывается в роли жертвы, необходимой для преодоления хаоса. Проявляется феномен обратной связи: нижестоящие структуры трансформируют вышестоящие и вынужденно передают им управленческие функции.

Переход к иному качеству требует максимума усилий и реализуется разными способами. В том числе и за счет отказа от прежнего существования. Обновленное состояние оказывается синонимом нарушения традиций и запретов, освященных временем. Отрицание прежней стабильности провоцирует жажду экспроприации материальных и культурных благ. Стоит ли акцентировать внимание на том, что значительная часть ресурсов концентрируется именно в столице? Попутно с агрессией периферии зарождается и ее эгоистичное желание уменьшить собственные тяготы и, как следствие его, – поиски новых жертв.

Такие действия наиболее эффективны в местах сосредоточения регионального управления – в провинциальных городах. Они становятся центрами периферийных восстаний. И именно они вынуждены в максимальной мере расплачиваться как за бунты, так и за все прежние грехи. Противостояние с центром, вне зависимости от итогов компании, ведет к максимальному ослаблению провинции. Соответственно, далее следует закономерная капитуляция окраин. Распад и умирание провинциального тела в последующем становятся неизбежными. Проигранный конфликт окончательно подрывает его адаптационные возможности.

Слабеющая провинция все более зависит от столицы и, соответственно, окончательно превращается из неудачливого агрессора в покорную жертву. Значимым символом произошедшей мутации оказывается очередное изменение образа провинции. Она перестает быть носителем активного начала. Теряются повышенная энергетика и сакральные качества. Напор и агрессивность, ранее характерные для нее, мельчают. Снижение потенции оборачивается появлением своеобразных «раковых клеток» внутри социального организма. На смену действиям приходят имитация, драматургия.

Теперь жизнь в провинции оказывается непрерывной сменой социальных масок. И сама провинция по преимуществу выступает в роли актера. Она рабски подражает столице, одновременно осуждая ее. Приниженное положение самой провинции связано с подчинением ее столице. В целом это не столько оценочное суждение, сколько один из закономерных этапов ее трансформации. С одной стороны, провинция зависима, с другой – культурный, политический и экономический гнет столицы стимулирует формирование личностного начала на местах. Но доступны это начало, эта социализация в масштабах страны пока еще для немногих.

Этот процесс протекает при демонстративном контроле «сверху» и, естественно, он подвержен негативным трансформациям. Подчинение столице оборачивается для провинции господством навязанных условностей. Осознание себя, собственной индивидуальности происходит как бы не по-настоящему, еще в черновом варианте. Провинция испытывает острую необходимость сравнивать, моделиро-

вать, подражать, играть («а как у нас?», «а как у них?»). Обязательным, почти ритуальным моментом является акцентирование внимания на собственной исключительности, индивидуальности, уникальности. Защита иной позиции является плохим тоном и нарушением неписанных провинциальных норм.

Объективно существующее принижение и... завышенная самооценка с иллюзорными перспективами. Данный психический конструкт вообще-то характерен для подростков. Но нечто подобное происходит и с провинцией. Еще раз повторимся: такое состояние само по себе не плохое и не хорошее. Оно – данность. И – стартовая площадка для дальнейшего развития. Теперь провинциальное социальное тело получает дополнительные возможности для перехода от количества и объема к содержимому и качеству. Наша провинция понемногу взрослеет. Она не только занимается воспроизведением образов, рожденных где-то извне, в столицах, но и во все возрастающих масштабах адаптирует их для своих нужд.

Надо признать, что это удается ей далеко не всегда. Но тот из провинциалов, кто не способен хотя бы к частичной адаптации, вынужден либо покинуть провинцию, либо обречен на деградацию. Если же заимствование уже устаревших столичных новаций осуществляется провинцией некритично, то оно оборачивается для нее эрозией положительных свойств. В какой-то мере такая эрозия закономерна. Облик провинции теперь во многом связан с периодически повторяющимися ярмарками, карнавалами, маскарадами, играми.

Все эти действия несут на себе печать вторичности, подражательства либо столицам, либо деревенскому миру. Из них уже выхолощены сакральные свойства. Связано это еще и с тем, что провинциальная инфраструктура оказывается подвержена обездушенной унификации. Наличие стандартности мало совместимо с уникальностью божественного мира. Но оно же требует тиражирования, создания соответствующих материальных объектов. Объектов, сотворенных человеком, материальных и легко сравнимых между собой. Телесность провинции перетекает из ее образа в материальное воплощение.

Отныне для посторонних провинция связана с потреблением: с досугом, отдыхом; вне

города это пикники, санатории, дачи. Теперь ее функции связаны с удовлетворением эгоистичных нужд приезжих. Далеко не случайно, что в дальнейшем провинция перевоплощается из актера еще и в грешницу: ее приметам становятся постоянные дворы, гостиницы, кабаки, бордели, предприниматели-кровососы, торговцы в храме. И провинциальный мир все более воспринимается как лежащий во зле. Его грехи порождены выхолащиванием духа законов. Подобное в истории происходило неоднократно, начиная с глубокой древности.

Так, согласно Библии, ветхозаветный пророк Иезекииль, от имени Бога, клеймил погрязших в грехе соплеменников. В вавилонском плену он повествовал о развратных Оголе (Самарии) и Оголиве (Иерусалиме). Это образы столиц небольших периферийных Израильского и Иудейского царств. Первая из блудниц равнодушна к «одевавшимся в ткани яхонтового цвета, к областеначальникам и градоправителям, ко всем красивым юношам, всадникам, ездящим на конях». Нисколько не лучше и вторая – Оголива. И она также пристрастилась к «сыновьям Асуровым, к областеначальникам и градоправителям, соседям ее, пышно одетым, к всадникам, ездящим на конях, ко всем отборным юношам» (Иезек. 23, 6-12).

Исследователи заметили, что разработанная Иезекиилем религиозно-политическая модель общественного устройства нацеливает избранный народ на возврат к теократическому правлению. «Таким образом, – замечает один из советских авторов, – пророческая, собственно говоря, мифотворческая деятельность Иезекииля была направлена на превращение грядущей политической организации Иудеи в полицейскую службу храма» [14, 82]. Несомненно, что в концепции пророка присутствуют инверсионные начала. Он пытается вернуть провинциальный еврейский социум к времени прежней замкнутости. Это было время господства жесткой принудительной «мужской» власти полицейских и духовной власти жречества. Оно сменится периодом показной открытости, податливости, «женской» подчиненности захватчикам.

Стоит ли еще раз акцентировать внимание, что такие проповеди возможны только при сохранении в обществе прежних, но уже

морально устарелых образов жреца и палача? Важнее иное – по отношению к более мощным соседям древнееврейская государственность по-прежнему выступает в качестве зависимой провинциальной периферии. Он слаба и ее слабость осуждается. Метафорически и психологически эта слабость осознается как женская уступчивость сильному, как грех.

Потребовались многие века для оправдания женского образа провинции. Как и обычно, зарождение новых, на этот раз реабилитационных, процессов начинается в городах, распространяясь затем на окружающие территории. Сначала оправданными оказываются города и территории, живущие под эгидой женских сакральных персонажей. Эти персонажи, в идеале, безгрешны и передают свою небесную благодать избранной земле и избранным людям. Постепенно зона свободы от греха, безгрешности расширяется. Она охватывает все больший круг лиц.

Так, в Древнем Риме завоеванные провинции и покоренное население шаг за шагом получали гражданские права и свободы. Данная эмансипация распространилась на рабов, членов семьи, подчиненных патриарху, женщин. Их слабость перестает осуждаться, а чувственность возводится на пьедестал, воспевается. Но тем самым в благоустроенной цивилизации исчезают основания для культурных различий между провинцией и столицей. Они (и провинция, и столица) равно свободны, чувственны и безвольны. Они лишены обязательности, а по сему нередко не способны противостоять агрессивной (варварской, богатырской) внешней угрозе.

Из всего вышеизложенного следует, что конфликты провинции и столицы лишь опосредованно связаны с уровнем социально-экономического развития общества. Да, они разворачиваются в историческом контексте, но не однократно, не разово. Эти конфликты имеют склонность к повторам и рецидивам, особенно в сфере культуры. Дело в том, что провинциальное поле – открытая система с участием множества внешних игроков. Циклы провинции и столицы, провинциального города и провинции вне города далеко не всегда совпадают. Столицы, провинциальные города, подчиненные им и не вполне окультуренные территории, взаимодействуя между собой,

достаточно часто прерывают естественную эволюцию друг друга.

Данное положение меняется при исчезновении противоречий в культуре между этими пространственными объектами. Культурная слитность, отсутствие функциональных различий означают исчезновение потенциальных возможностей. Теряются перспективы. И тогда зарождаются предпосылки для нарастания тотального кризиса. Одновременно наступает период светской рефлексии относительно истории периферийного пространства. Это время – время осознания уходящей в небытие провинции. В истории такие периоды уже были и не исключено их грядущее появление.

Все вышеизложенное в максимальной мере актуализирует необходимость изучения и современной провинции. Что же, на сегодняшний день, вкладывается в понятие «провинция»? Смысловая неоднозначность провинциального феномена проистекает из его культурной периферийности. Произнося слово «провинция», мы сразу вносим в нее ряд отрицательных значений, обособляя, таким образом, подлинное понятие от близких к нему смыслов. С ним ассоциируются не столько природные, экономические, либо политические, сколько культурные реалии.

Это не столица, но и не деревенский мир. Она не ограничивается городскими стенами и не является «голой» умозрительной территорией. Это некое очеловеченное пространство, связанное с городской жизнью, заимствующее, сохраняющее, трансформирующее различные культурные потенциалы. Провинция – медиатор, незавершенное становление конкурентной среды. Она не индифферентна, но дух приори-

тета для нее чужд. Не имея возможностей для обоснованных претензий на оригинальность, провинция, тем не менее, эмоционально окрашена. Ее любят, жалеют, презирают, превозносят, проклинают. Ею восторгаются, ее стремятся переделать.

Подобное неравнодушное отношение, прежде всего, порождено очеловеченностью провинции, поскольку ее основными атрибутами являются человеческая жизнь, люди, социальные отношения и только затем нестабильное местоположение. Провинция постоянно ускользает от формального рационального анализа, ее достаточно трудно локализовать. Провинция шире города. Провинция существует с неявно очерченными границами и тяготеет к внестоличным городам. Она несводима к собственно городской территории, она стремится выйти за ее пределы.

Человеческое тело – дом – деревня – город – телесность внегородского очеловеченного пространства и далее вплоть до государства и цивилизации. Таковы основные качественные этапы территориального расширения человеческого ареала. Провинция связывает их культурно. Она выступает своеобразной буферной зоной между этими непохожими компонентами. Она активна и пассивна одновременно. Ее присутствие между ними незримо, подобно воздуху.

Ее территория уже окультурена, но степень развитости местной культуры не соответствует завершенным столичным стандартам. Отсюда проистекают нестабильность, постоянная смена ее очеловеченных образов. Их активность, равно как присущие им ценности, рокируются, меняются местами. Об этом свидетельствуют приведенные ниже данные (табл. 1):

Таблица 1

Перевоплощения провинциальных образов

Отрицательная активность		
отрицательный очеловеченный образ	проявление активности	объекты активности
палач	исполнение приговора	преступники
актер	игра	зрители
блудница	разврат	клиенты
Положительная активность		
положительный очеловеченный образ	проявление активности	объекты активности
герой	сражение	враги
жрец	обряды	прихожане
жертва	страдание	насилыники

Взаимные переходы свидетельствуют о том, что провинциальная культура, достаточная для обыденного существования, в исторической эволюции, все же нуждается в столичных оценках и столичных же новациях. При этом дефицит нового не сопровождается его тотальным заимствованием. Выступая в роли культурного агента, провинция избирательна и предпочитает стабильность. Объективно она ревизует как положительное новаторство, так и нездоровую спекулятивность в сфере культуры [15, 147-150].

Переход к анализу «провинциального содержания» немислим без учета пространственных структур и общественной психологии. Применительно к первым следует учитывать, что для провинциального города характерны точечное и концентрированное расположение культуры. Для внегородского провинциального пространства существуют иные приоритеты в расположении культуры. Это – рассеянность и протяженность. Это – стремление выйти за пределы городских стен.

Пространственные структуры отчасти обуславливают и общественную психологию. Так,

известно, что дисциплинированная и одновременно внутренне раскрепощенная личность, порожденная городом, воспринимает его как искусственно сотворенный мир, хотя и далекий от подлинного бытия, но стремящийся его достигнуть. Данное стремление реализуется и интенсивно (повышение качества городской жизни), и экстенсивно (распространение идеальных норм) на окружающие территории. Внешняя экспансия может в свою очередь приобретать как жесткие, так и сравнительно мягкие формы.

В первом случае это путь государственного строительства. Во втором – преимущественно мирное цивилизационное расширение. Религия, письменность, войны, политическая идеология являются способами выхода городской культуры за пределы собственных границ и ведут к рождению провинции. Они же, одновременно, содействуют управлению внегородскими территориями. В предельно лапидарном обобщении основные этапы такого расширения укладываются в следующую схему (табл. 2):

Таблица 2

Эволюция образов пространства

Объект пространства	Символ пространства	Социум пространства	Лидер социума	Сакральный покровитель
дом	алтарь	семья	патриарх	предок
город	храм	община	жрец	герой
государство	столица	подданные	монарх	святой

Данная схема не претендует на оригинальность. Многие исследователи, в частности М. Элиаде, выделяли город, храм и дом в качестве основных символических элементов [16, 33]. В сущности, проблема состоит не столько в выявлении значимых частиц или этапов, сколько в раскрытии механизмов их взаимодействия.

Из вышеприведенных таблиц легко заметить, что расширение пространства и усложнение управленческих задач не отменяют ранее созданных структур. Напротив, они становятся главными или второстепенными центрами новых, более мощных образований. Однако приращение пространства смещает большинство из них на периферию государственного

управления и господствующей культуры. Теперь иерархически значимые субъекты «закрывают» от внешних воздействий подчиненные им объекты. Объективно существующие и развертываемые во времени и пространстве противоречия между разными уровнями человеческого бытия настоятельно требуют их диалектического снятия.

Каким же образом это снятие реализуется? Применительно к дихотомии «дом – город» такими синтетическими элементами могут быть улица, слобода, конец, микрорайон. Противостояние домашнего алтаря (семейные предки) и общественного храма (официальные герои) опосредуется городскими памятниками. Но они не отчуждены от города и их сакральное

значение постепенно утрачивается. Между городской общиной и семьей, их лидерами и сакральными покровителями также существуют промежуточные, нередко неформальные, общности и индивиды (социумы улицы, цеха, корпорации, двора и т.д.).

В свою очередь, культурные противоречия в масштабах государства (противостояние городов государству, а также естественного скопления домов – деревень – столичному центру) формируют опосредующее культурное звено – провинцию. Вначале к ней относятся по преимуществу нестоличные города. Затем – тяготеющие к ним заводы, замки, монастыри, курорты, барские усадьбы, растущая дорожная инфраструктура. Возможно – дачи горожан [17, 274]. Все вышеперечисленные элементы одновременно играют и роль наглядных символов очеловеченного нестоличного пространства.

Насколько применима вышеизложенная лапидарная схема к культуре провинции? Возможно ли в данном случае гегелевское восхождение от абстрактного к конкретному? Да – если считать, что всякий город обладает не только изменчивым конкретно-историческим, но и стабильным, имманентно присущим ему, содержимым, которое и подлежит теоретическому осмыслению. Признание того обстоятельства, что все города, несмотря на их различия, имеют единое генетическое ядро, позволяет нам выявлять в них семантически наполненные рудименты прежней культуры.

Вопрос заключается в использовании тех или иных методологических подходов. Допустимо, в частности, применять пришедшую из западных исследований концепцию «седиментарного» («послойного» или «осадочно-

го») общества (sedimentary society). Данный термин предполагает идею сосуществования «осадочных» слоев в социальной организации, которые сформировались в разные периоды истории и в разных условиях [18, 43]. Видимо, данный подход, генетически связанный с феноменологией Э. Гуссерля, пригоден также и к анализу мыслимого пространства.

Это означает, что города и провинции как меняющаяся материальная среда для существования дифференцированного общества также обладают своеобразной зашифрованной социальной памятью, воплощенной в культуре. Такая память представлена в различных образах. Декодирование их смыслов максимально сложно. Оно требует от нас изощренных исследовательских междисциплинарных приемов. Но оно же позволяет увеличить наши знания о собственном существовании в пространстве. И не всегда они однозначно «укладываются» в прокрустово ложе сухих схем.

Иногда обращение к образу позволяет нам лучше увидеть нечто скрытое или почувствовать неповторимый аромат времени и места. «Что такое провинциальный пейзаж? – задается риторическим вопросом Н.Ф. Болдырев. – Это пейзаж, который не дает тебе никаких иллюзий относительно тебя самого в качестве единичного и обособленного, в качестве существа, несущего сосуд одиночества. Провинциальный пейзаж – это зеркало, в котором ты видишь себя голым. Будучи голым, ты извлекаешь здесь из дальних-дальних культурных мифов и мистификаций (само пространство здесь показывает тебе, как ты, реальный, далек от их внутренней формы) их звук и отзвук; в сущности, ты извлекаешь из дали только эхо (...)» [19, 52].

Литература

1. Спивак М.Л. Провинция идет в регионы: О некоторых особенностях современного употребления слова «провинция» // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 503-515.
2. Ершов М.Ф. Жертвы города в очеловеченном пространстве // Вестник Нижневартковского гос. гуманитарного ун-та. – 2011. – № 1. – С. 46-52.
3. Ершов М.Ф. Образы города, пришельцы и богатыри // Вестник угроведения. – 2011. – № 2 (5). – С. 146-154.
4. Шпенглер О. Всемирно-исторические перспективы // Шпенглер О. Закат Европы: Очерк мифологии мировой истории. Минск, 1999. Т. 2. 720 с.

5. Шутова Е.В. Дом и бездомье в философско-антропологической рефлексии // Вестник Курганского гос. ун-та. – 2011. – Вып. 7. – С. 104-109.
6. Фрейд З. Сновидения. Избранные лекции. М., 1991. 192 с.
7. Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. 672 с.
8. Ершов М.Ф. Город и провинция: историко-теоретические пролегомены // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Ханты-Мансийск, 2007. С. 4-25.
9. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999. 304 с.
10. Бурлина Е. Мифы о провинциальной культуре // Российская провинция. – 1994. – № 1. – С. 48-51.
11. Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения. Ч. III. Средневековый человек и его мир. М., 1995. 400 с.
12. Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М., 2010. 384 с.
13. Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2000. 576 с.
14. Беленький М.С. О мифологии и философии Библии. М., 1977. 166 с.
15. Ершов М.Ф. К социокультурному пониманию феномена провинции // Культура провинции. Курган, 2005. С. 147-148.
16. Элиаде М. Космос и история. М., 1987. 312 с.
17. Ловелл Стивен. Дачники. История летнего жителя в России. 1700-2000. СПб, 2008. 348 с.
18. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. 348 с.
19. Болдырев Н.Ф. Ностальгия по пейзажу. Челябинск, 1996. 240 с.

References

1. Spivak M.L. Provincija idet v regiony: O nekotoryh osobennostjah sovremennogo upotreblenija slova «provincija» // Geopanorama ruskoj kul'tury: Provincija i ee lokal'nye teksty. М., 2004. S. 503-515.
2. Ershov M.F. Zherty goroda v ochelovechennom prostranstve // Vestnik Nizhnevartovskogo gos. gumanitarnogo un-ta. – 2011. – № 1. – S. 46-52.
3. Ershov M.F. Obrazy goroda, prishel'cy i bogatyri // Vestnik ugrovedenija. – 2011. – № 2 (5). – S. 146-154.
4. Shpengler O. Vsemirno-istoricheskie perspektivy // Shpengler O. Zakat Evropy: Oчерk mifologii mirovoj istorii. Minsk, 1999. T. 2. 720 s.
5. Shutova E.V. Dom i bezdom'e v filosofsko-antropologicheskoj refleksii // Vestnik Kurganskogo gos. un-ta. – 2011. – Вып. 7. – S. 104-109.
6. Frejd Z. Snovidenija. Izbrannye lekci. М., 1991. 192 s.
7. Domnikov S.D. Mat'-zemlja i Car'-gorod. Rossiya kak tradicionnoe obwestvo. М., 2002. 672 s.
8. Ershov M.F. Gorod i provincija: istoriko-teoreticheskie prolegomeny // Sociokul'turnoe prostranstvo sibirskogo goroda: istorija i sovremennost'. Hanty-Mansijsk, 2007. S. 4-25.
9. Markov B.V. Hram i ryнок. Chelovek v prostranstve kul'tury. SPb., 1999. 304 s.
10. Burlina E. Mify o provincial'noj kul'ture // Rossijskaja provincija. – 1994. – № 1. – S. 48-51.
11. Srednevekovaja Evropa glazami sovremennikov i istorikov. Kniga dlja chtenija. Ch. III. Srednevekovyj chelovek i ego mir. М., 1995. 400 s.
12. D'jakonov I.M. Puti istorii: Ot drevnejshego cheloveka do nashih dnei. М., 2010. 384 s.
13. Giro P. Byt i нравы drevnih rimljan. Smolensk, 2000. 576 s.
14. Belen'kij M.S. O mifologii i filosofii Biblii. М., 1977. 166 s.
15. Ershov M.F. K sociokul'turnomu ponimaniju fenomena provincii // Kul'tura provincii. Kurgan, 2005. S. 147-148.
16. Jeliade M. Kosmos i istorija. М., 1987. 312 c.
17. Lovell Stiven. Dachniki. Istorija letnego zhit'ja v Rossii. 1700-2000. SPb, 2008. 348 s.
18. Virtshafter Je.K. Social'nye struktury: raznochincy v Rossijskoj imperii. М., 2002. 348 s.
19. Boldyrev N.F. Nostal'gija po pejzazhu. Cheljabinsk, 1996. 240 s.